

Ю. Крашевский

Рассказы о польской старине

**Записки 18 века Яна Дуклана
Охотского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

- Ю. Крашевский**
Ю11 Рассказы о польской старине: Записки 18 века Яна Дуклана Охотского / Ю. Крашевский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 664 с.

ISBN 978-5-458-71715-1

Юзеф Игнацы Краше́вский (польск. Józef Ignacy Kraszewski, 28 июля 1812, Варшава — 19 марта 1887, Женева) — польский писатель, публицист, издатель, автор книг по истории и этнографии; псевдонимы Клеофас Факунд Пастернак (Kleofas Fakund Pasternak), Богдан Болеславита (Bogdan Bolesławita), Др. Омега. Отличался необычайной плодовитостью — литературное наследие составляет ок. 600 томов романов и повестей, поэтических и драматических произведений, а также работ по истории, этнографии, фольклористике, путевых очерков, публицистических и литературно-критических статей. Множество его произведений переведено на русский язык; некоторые опубликованы в нескольких разных переводах. Относится к наиболее популярным в России во второй половине XIX века польским писателям. В 1915 в Санкт-Петербурге издано собрание сочинений в 52 книгах, остающееся самым полным изданием на русском языке. Также собрание сочинений Крашевского в 10 томах издано в 1996 году. Предлагаемая книга - литературно обработанные мемуары, коих в 18 веке из "благородных" не писал только ленивый. Одно из множества вышеупомянутых произведений автора.

ISBN 978-5-458-71715-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Вступленіе.

Прожито семьдесятъ шесть лѣтъ! Немалое это время. А кто жиять такъ долго долженъ былъ и видѣть немало, еще болѣе испытать; долженъ былъ пережить не одну перемѣну судьбы, со многими людьми встрѣчаться въ жизни, вытерпѣть и вынести, выучиться и запомнить многое.

Выпущенный изъ школы я вступилъ въ свѣтъ въ послѣднемъ двадцатилѣтіи XVII вѣка. Жизнь мою я не просидѣлъ въ родномъ углу, какъ это сплошь и рядомъ случается съ большинствомъ нашей шляхты. Между людьми, по счастливому случаю, удалось мнѣ попасть въ общество лицъ, имѣвшихъ значеніе въ печальную эпоху, послѣднюю въ нашей политической жизни. Теперь все это — далекое прошлое; сномъ какимъ-то неяснымъ кажутся намъ наши цѣли и наши понятія о нуждахъ тогдашняго общества и государства. Время все унесло на своихъ крыльяхъ. Воспоминанія попеременно будятъ въ сердцѣ то глубокое чувство, то жестокое страданье. И думаю, что я долженъ этимъ сокровищемъ моихъ воспоминаній подѣлиться съ другими.

Я не пишу исторіи. Чувствую, что это превысило бы мои силы. Пусть пишутъ исторію люди, которымъ Богъ далъ геній

и обширныя знанія. Мой удѣлъ болѣе скромный. Историки выскажутъ правду, воссоздадутъ по мертвымъ памятникамъ прошлую жизнь нашей родной страны, облитой кровью нашихъ братьевъ. Я напишу только мемоары моей жизни, руководясь моими замѣтками и моею памятью, которая, благодареніе Богу, до сихъ поръ еще свѣжа и ясна; постараюсь нарисовать хотя часть картины жизни, которую привелось мнѣ видѣть и въ событіяхъ которой я участвовалъ.

Я очень люблю прошлое. Можетъ быть меня привязываетъ къ нему воспоминанія дѣтства и юношества, лучшей эпохи въ жизни всякаго; можетъ быть убѣжденія, что въ наше время было все лучше и все было иначе; теперешній прогрессъ и цивилизація не замѣняютъ намъ прошлаго и даже воспоминаній о немъ нельзя вытѣснить изъ нашей памяти. Обряды, обычаи, даже самыя мелочи, словомъ все что касается прошлаго времени и что нынче въ модѣ осмѣивать и осуждать, вызываетъ слезы на мои глаза и наполняетъ сердце милыми чувствами.

Прежде чѣмъ начну разсказъ о событіяхъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, я долженъ сначала кое что сказать о нравахъ и обычаяхъ, существовавшихъ во времена моего дѣтства; о жизни общественной и нравахъ, установившихся у насъ въ теченіе слишкомъ шестидесялѣтняго правленія двухъ послѣднихъ саксонскихъ королей.

Все здѣсь разсказываемое я видѣлъ отчасти самъ, отчасти слышалъ отъ моего отца. Согласно господствовавшему тогда обыкновению, отецъ мой служилъ у гетмана Сосновскаго, сначала при комнатахъ, потомъ былъ дворскимъ шляхтичемъ и наконецъ маршаломъ гетманскаго двора. Въ правленіе Августа III онъ былъ сдѣланъ ченникомъ мозырскимъ. Въ этомъ уже званіи подписалъ дипломъ элекціи короля Станислава

Августа, какъ депутатъ Луковской земли люблинскаго воеводства; въ послѣднемъ отецъ мой имѣлъ наслѣдственное имѣніе Рышки. Подобно многимъ другимъ нашъ родъ переселился на Волинь, тамъ мы теперь постоянные жители и только сохраняемъ одно воспоминаніе о первоначальномъ своемъ происхожденіи.

II. Воспитаніе въ XVIII вѣкѣ.

Не знаю какъ воспитывали дѣтей въ магнатскихъ палатахъ и въ столицахъ. Но у насъ, въ деревняхъ, была одна неизмѣнная рутинная система воспитанія. Едва ребенокъ былъ въ состояніи произносить первыя слова, его начинали учить креститься—класть на себя крестное знаменіе нашего искупленія и спасенія. Первыми нашими словами были слова молитвы, которыя мы перенимали отъ матерей нашихъ. Потомъ насъ учили катехизису вѣры, въ лонѣ которой Богъ допустилъ насъ родиться; учили насъ любить ближнихъ. Любовь къ родному краю вливали въ сердца собственными примѣрами; заповѣдывали безграничное послушаніе родителямъ, законамъ и властямъ, установленнымъ отъ Бога для поддержанія общественнаго порядка. Мы должны были хранить уваженіе къ старшимъ, соблюдать братство съ равными и ласковость и снисходительность къ нисшимъ.

Учили насъ немного читать и писать, ѣздить верхомъ и биться на палкахъ. Мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, когда съ дѣтскою саблею, которую сохраняю и до сего дня, я уже сѣлъ на лошадь и долженъ былъ ежедневно, чтобы напрактиковаться дѣйствовать оружіемъ, биться на палкахъ съ Ваней, сыномъ нашего подстаросты (эконома).

Немного подготовленнаго такимъ образомъ мальчика от-

давали, на девятомъ или десятомъ году, въ іезуитскія школы. Плети были въ нихъ единственнымъ и универсальнѣйшимъ средствомъ воспитанія и усмиренія, если у кого на первыхъ порахъ кровь оказывалась черезъ чуръ горяча.

Дома насъ сѣкли часто и много; въ школахъ въ этомъ отношеніи тоже недостатка не было. И патера-префекта и професоровъ родители усердно упрашивали не прощать намъ ничего. Директоръ-репетиторъ обязанъ былъ не прощать намъ ничего, подъ опасеніемъ не получить праздничнаго подарка. Бывали и такіе счастливицы, которыхъ драли по два и даже по три раза въ день.

Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, въ дѣлѣ воспитанія, іезуитовъ замѣнили базильяне, но по большей части піары, которые къ этому дѣлу уже были прежде подготовлены. Отъ іезуитовъ, по наслѣдству, получивъ власть и обязанность воспитанія, они приняли и ихъ традиціонную систему. Вслѣдъ за идущимъ въ классы патеромъ піаромъ несли нагайку; она была признакомъ его власти. вмѣстѣ съ книгами на кафедре клали и нагайку. Мы должны были ни на одну минуту не терять изъ виду этого спасительнаго монитора. Съ перваго начала мы въ школахъ работали исключительно надъ однимъ латинскимъ языкомъ. Высидѣвъ нѣсколько лѣтъ, мы знали на память почти цѣлую грамматику Альвара, рѣчи Цицерона, Вергилія и Горация, но къ несчастію болѣе ничего не знали. Базильяне въ особенности не допускали никакихъ измѣненій и долгое время учили по системѣ и программѣ іезуитовъ. Только въ 1781 году комиссія воспитанія принудила ихъ преобразовать школы по плану ею придуманному. И, Боже, сколько мы въ теченіе этого времени получили плетей.

Количество и качество плетей, надо впрочемъ отдать спра-

ведливость, было всегда сообразно съ лѣтами и силами ученика. Въ классѣ *infimū* (младшемъ) плеть была тонкая и болѣе десяти ударовъ не давали. Съ каждымъ переводомъ въ высшій классъ воспитанникъ обзнакомливался съ болѣе толстою плетью и получалъ увеличенное число ударовъ. Въ классѣ философіи и ученикъ и плеть выростали въ нормальную свою величину. И въ этомъ классѣ не давали уже никогда менѣе пятидесяти, а иногда и болѣе плетей. Никакихъ живыхъ языковъ не преподавали. Если гдѣ случалось, что кто либо давалъ частныя уроки—это было во всякомъ случаѣ пропащее время и деньги. Ученики отъ этихъ учителей выходили съ такими познаніями, что ихъ ни французы, ни нѣмцы не понимали, и они въ равной степени не могли понимать французовъ и нѣмцевъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка воспитаніе въ Польшѣ стояло на самой низкой степени, но оно соотвѣтствовало потребностямъ того времени. Окончившій школу воспитанникъ зналъ латинскій языкъ лучше роднаго, умѣлъ биться на палкахъ и даже на сабляхъ; былъ приученъ къ слѣпому послушанію, и все это составляло основаніе для его будущаго развитія жизнью и обстоятельствами.

Выйдя изъ школы необходимо было сейчасъ же пріискать себѣ занятія; лѣниться родители не позволяли. Дворы магнатовъ въ это время уже упали и измѣнялись въ своемъ устройствѣ. Сыновья должны были или заниматься хозяйствомъ дома подъ руководствомъ отца, или поступать въ военную службу, или готовиться въ монастырь; иныхъ помѣщали въ правительственныя канцеляріи и въ такъ называемыя палестры при земскихъ трибуналахъ и городскихъ судахъ. Это были мѣста, гдѣ мы запасались знаніемъ законовъ и получали свѣтскій лоскъ. При всякой подобнаго рода кан-

целяри, даже уѣздной, можно было всегда найти сто и болѣе практикующихся молодыхъ людей; въ числѣ ихъ иногда бывали сыновья самыхъ богатыхъ въ уѣздѣ фамилій. Дѣвиться мы не имѣли времени. Нынче все это совершенно иначе идетъ.

Недавно мнѣ случилось прочесть книгу о Балагулахъ ¹⁾.

Картина изъ жизни, но мнѣ кажется, большая часть выведенныхъ типовъ—плодъ фантазіи. Нынѣшняя молодежь, вообще говоря, хороша и хорошо воспитана; знаній и талантовъ у нея никто не отнимаетъ, равно также хорошаго тона и учтивости. Все это дѣлаетъ ей честь. Есть впрочемъ и исключенія. У этихъ исключительныхъ личностей любовь къ излишней свободѣ часто переходитъ границы приличій. Мы не судимъ по частностямъ о всѣхъ. Но одна капля яду въ минуту можетъ заразить все тѣло и повлечь за собою смерть организма. Въ обществѣ также нѣсколько негодныхъ единицъ могутъ развить заразу и вызвать дурное мнѣніе о цѣломъ обществѣ. Люди, называемые балагулами, по моему мнѣнію, суть испорченныя единицы. Они ничего не уважаютъ. Одни пишутъ пасквили, другіе развозятъ ихъ по трактирамъ и корчмамъ съ цѣлью, чтобы онѣ попали въ руки заинтересованныхъ особъ. Права заслуги, старости, женщины для нихъ не существуютъ; они бросаются на все, выдумываютъ пасквили, небывалые случаи. Всѣ эти господа думаютъ исправить свѣтъ, храбрятся, но въ душѣ трусы. Закона они не нарушатъ и на дуэль не выйдутъ. Самый способъ ихъ выраженія характериченъ. У нихъ на устахъ постоянно два слова: честь и божество: клянусь честью! божественная лошадь! Клянусь честью, сюртукъ этотъ божествен-

---

1) Мѣшанины, сочиненіе Бейлы.

ний. Божественно, даю честное слово, несетъ эта коляска! и т. д.

Молодежь лучше воспитанная не стремится выдѣлиться и носить то что всѣ носятъ. Балагулы носятъ польскіе усы, бакенбарды—наслѣдіе французскихъ санкюлотовъ, испанскую бородку и жидовскую бороду, торчащую на четверть аршина изъ подъ галстука. На голову надѣваютъ татарскую шапку, на плечи камчадальскій полушубокъ; на ногахъ у нихъ кучерскіе шаровары, цѣликомъ изъ кожи, или самое меньшее, до того обложенные кожей, что сукна почти не видно. Къ пуговицѣ привѣшенъ кисетъ для табаку, въ особомъ карманѣ лежатъ сигары и мундштучки, еще въ другомъ трубки и коротенькій чубукъ. Вооруженіе балагулы довершается черкеской плетью въ правой рукѣ.

На худой ключъ—росинантъ, на татарскомъ сѣдлѣ, балагула носится въ мѣстечкѣ, заглядываетъ въ экипажи, въ которыхъ сидятъ дамы, и говоритъ имъ невѣжества, или что еще хуже, неприличными жестами заставляеть ихъ краснѣть.

Кто говоритъ, и въ наше время случались казусы, но они никогда безнаказанно не проходили; мы не одѣвались въ одежду дикаго народа, и если кто кого обидѣлъ, извиненіями не отдѣлывался: кровью платилъ за обиду. Балагула васъ обидитъ, но драться не будетъ. На сабляхъ онъ не можетъ, на пистолетахъ тоже не можетъ. Предложите ему извиниться—съ охотой извинится и завтра же начнетъ то же самое. Между ними имѣются и игроки по профессіи. Садятся они во всякую игру и по всякой цѣнѣ, особенно любятъ ландскнехтъ, надѣясь на спасительное: пліе. Для послѣдняго у нихъ особенная ловкость въ пальцахъ. Когда вы слѣдите строго за ихъ руками и штука не удастся, надобно проиграть, они безстыдно, имѣя мѣдный лобъ, встають объявляя: за мною

должекъ! На страшномъ судѣ развѣ получишь этотъ должекъ съ балагулы. У нихъ правило: выигрывая брать деньги; проигрывая — оставлять въ долгу... Но напрасно бы я старался измѣнить дѣло; писать далѣе съ этой цѣлью—значить повторять плачевныя іереміады, которыхъ новый Іерусалимъ выслушать и понять не захочетъ.

Мнѣ пришлось читать доказательства одного автора ¹⁾ будто балагулыя происходятъ отъ существовавшей въ наше время, между молодежью, тенжизны ²⁾. Съ этимъ нельзя согласиться. Я самъ принадлежалъ къ тенжизнѣ и старался ей подражать, а на балагуловъ смотрю съ омерзениемъ. Происхожденіе слова тенжизна такое: двое молодыхъ людей въ Варшавѣ вызвали другъ друга на поединокъ. У корчмы Езерной послѣдовала встрѣча. Секундантомъ у одного былъ полковникъ Цѣхотскій, хорошей фамиліи, протезированный королемъ, любимый всѣми и бывшій въ особыхъ милостяхъ у князя Іосифа Понятовскаго.

Разсказывая про поединокъ и описывая, какъ ловко и мужественно бились противники, Цѣхотскій, ища мѣткого выраженія, употребилъ слово—это истинная тенжизна. Удачное слово вошло скоро въ общее употребленіе. Храбрый офицеръ, хорошій солдатъ, учтивый и пріятный кавалеръ,— все это называлось у насъ тенжизна. Даже красавица, владѣющая всѣми прелестями привлекающимъ сердца, даже хорошую лошадь съ одинаковымъ правомъ можно было назвать тенжизною. Въ концѣ концовъ цѣлый нашъ народъ былъ тенжизною, потому что подражалъ вождямъ этой тенжизны: Іосифу Понятовскому, Евстахію Сангушко, Казиміру Сапѣгѣ—генералу артиллеріи и маршалу литовскаго сейма,

1) М. Грабовскаго.

2) Тенжизна—крѣпкое, мужественное.

Вельгурскому, К. и А. Ржевускимъ, Валевскому, Дзялынскому, Чинскому, Нисоловскому, Потоцкому и другимъ.

Была эта молодежь веселая, милая, честная, служила она украшеніемъ самыхъ знаменитыхъ салоновъ и лучшаго общества. Были все люди высокаго положенія, сенаторы, сановники, послы сейма, цвѣтъ нашей молодежи. Имъ всѣ подражали, перенимали ихъ одежду, обращенія, слова, даже ихъ пороки. Времена тогда еще были хорошія. Подъ маской легкомыслія кипѣли высокія чувства, и пульсъ народной жизни бился еще правильно. Одежда молодежи была слѣдующая: на перевязи, съ вышитыми словами: «народъ съ королемъ и король съ пародомъ», висѣла сабля; шпоры или серебрянныя подковки подъ красными сапожками весело бренчали; шапочка надѣвалась на бекрень съ спущеннымъ къ правому уху трехцвѣтнымъ шнуркомъ, оканчивавшимся страусовымъ перомъ, или султаномъ. За обиду не звали къ суду, никакихъ суперъ-арбитровъ не выбирали: каждый самъ охранялъ свою честь, и никогда ни на чей судъ не согласился бы отдать эту честь. Приведу примѣръ случая между Е. Сангушскимъ и К. Ржевускимъ. Оба были молоды и въ дружбѣ между собою. Въ большомъ обществѣ случилось Ржевускому, ради краснаго слова, сказать что-то колкое о старомъ воеводѣ волыпскомъ—Сангушкѣ. Князь Евстахій сейчасъ же подошелъ и лаконически предложилъ:

— Дуэль или извинись сейчасъ?!

Ржевускій равнобѣрно лаконически отвѣтилъ:

— Дуэль!

Были уже сумерки, но дѣло до завтра не отложили. Выбрали секундантовъ, за саблями не послали—всякій въ то время носилъ оружіе съ собою, велѣли людямъ взять факелы и отправились за Волынскую заставу. Дуэль кончилась

раной Ржевускаго. Противники разстались съ полнымъ уваженіемъ другъ къ другу. По утру Ржевускій отправился къ обиженному воеводѣ волынскому и самъ признался, извиняясь въ неосторожномъ словѣ. Князь воевода позвалъ его на обѣдъ.

На этотъ обѣдъ собралась лучшая часть общества; между противниками возобновилась старая дружба, а присутствовавшіе удивлялись благородству недавнихъ противниковъ. Вся столица чрезъ нѣсколько времени знала объ этомъ происшествіи. Я пріѣхалъ въ Варшаву въ самый разгаръ сужденій и вѣстей о немъ. Такова была наша теѣ жизнь. Нынѣшняя балагулія—незаконное дитя; даже плодомъ морганитическаго брака нельзя ее называть. Она родилась и выросла между такими людьми, которые никогда и никому примѣромъ служить не могли. Балагулы похожи на татаръ, калмыковъ и жидовъ; они сами добровольно возвращаются ко временамъ варварства.

Если бы кто нибудь изъ содержателей звѣринцевъ поймалъ балагулу и посадилъ въ клѣтку какъ онъ есть—въ татарской шапкѣ, съ длинными колтунами волосъ, закрывающими половину лица, съ жидовской бородкою, въ камчадальскомъ тулупчикѣ, въ кожаныхъ штанахъ, со всѣми его атрибутами и эмблемами дикости, и привезъ въ Варшаву на показъ въ 1788 году; ручаюсь, показывая по билетамъ, получилъ бы онъ не малый барышъ. Но я, старикъ, забываю, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подобныхъ существъ въ Польшѣ не было. Сынъ, который бы въ то время задумалъ одѣться какъ балагула, получилъ бы отъ отца неизбѣжно сто плетей и притомъ прямо на землѣ: ковра ему бы не досттали.
